

Посвящается Кэти, как и всегда

Глава 1

Река — одно из самых ранних моих воспоминаний. Главное крыльцо отцовского дома смотрит на нее с невысокого взгорка, и у меня сохранились фотографии, выцветшие и пожелтевшие, моих первых дней на этом крыльце. Я спал на руках у своей матери, сидящей тут в кресле-качалке, играл рядом в пыли, пока мой отец ловил рыбу, и даже сейчас мог представить эту реку, как наяву: медленное бурление красных глинистых струй, ползущие вспять воронки водоворотов под обрывистыми берегами, шелестящий шепот, которым она делится своими секретами с твердым розовым гранитом округа Роуан... Все, что сформировало меня, произошло возле этой реки. Я потерял свою мать на виду у нее, встретил свою первую любовь на ее берегах. Я до сих пор мог ясно ощутить, как она пахла в тот день, когда отец спровадил меня отсюда. Эта река стала частью моей души, и мне уже казалось, что я потерял ее навсегда.

Но все имеет свойство меняться — вот что я твердил себе. Забываются прошлые ошибки, прощаются давние обиды. Вот это-то и привело меня домой.

Надежда.

И гнев.

Я провел без сна уже тридцать шесть часов, десять из которых просидел за рулем. Неделями не находил себе места, не спал ночами — и это решение потихоньку прокралось в меня, будто вор. Я никогда не собирался воз-

вращаться в Северную Каролину — навеки похоронил ее, — но не успел и глазом моргнуть, как вот мои руки уже лежат на руле, а Манхэттен тонущим островом проваливается за горизонт на севере. На лице у меня недельная щетина, на плечах — джинсовка, из которой я не вылезал три дня, я охвачен таким напряжением, что граничит с болью, но любой здесь узнает меня с первого же взгляда. На то они и родные места, к лучшему это или к худшему.

Едва впереди показалась река, как нога сама собой слетела с педали газа. Солнце все еще низко висело над деревьями, но я чувствовал, как оно упорно лезет вверх, ощущал его жесткий, жаркий напор. Остановив машину на дальней стороне моста, ступил на раскрошенный гравий и опустил взгляд на реку под названием Ядкин. Зарождающаяся где-то в горах, она протянулась через просторы обеих Каролин. В восьми милях от того места, где я стоял, река касается северного края фермы «Красная вода» — земли, которой наше семейство владело с тысяча семьсот восемьдесят девятого года. Еще миля, и вот она уже скользит мимо дома моего отца.

Мы не общались целых пять лет, мой отец и я.

Но не по моей вине.

Прихватив с собой на берег банку пива, я встал в самом низу. Под растрескавшийся мост убежала полоска гладкой земли, усыпанной речным мусором. Ивы нависали над самой водой, и я заметил привязанные к их нижним ветвям пластиковые молочные канистры, подпрыгивающие на течении. Где-то там под ними, в слое ила, скрывались крючки, и одна из канистр сидела в воде совсем низко. Глядя, как она двигается, я с треском открыл пиво. Белая емкость погрузилась еще глубже и повернула против течения. Двинулась вверх по реке, оставляя за собой острый треугольный след. Ветка дернулась, и канистра остановилась — на белесом пластике заиграли красноватые отсветы от реки.

Прикрыв глаза, я подумал о тех, кого был вынужден покинуть. После стольких лет я ожидал, что их лица

поблекнут, а голоса истончатся, потеряют выразительность и объем, но это оказалось не так. Воспоминания затопили меня с головой, ошеломляюще живые и яркие, и я ничегошеньки не мог с этим поделать.

Больше мне это было не под силу.

Выбравшись из-под моста, я наткнулся на малолетнего мальчишку на запыленном велике. Он опирался одной ногой о землю, нерешительно улыбаясь. Лет, может, десяти, в продранных джинсах и расхлябанных высоких кедах. С плеча на завязанной узлом веревке у него свисало ведро. Моя большая немецкая машина по соседству с ним выглядела космическим кораблем из иной галактики.

— Чудесное утречко, — сказал я.

— Да, сэр. — Он кивнул, но с велика не слез.

— На донку ловишь? — спросил я у него, махнув рукой вниз на ивы.

— Поставил вчера две штуки, — отозвался мальчуган.

— Там же их три.

Он помотал головой.

— Одна папина. Это не считается.

— Там на средней вроде что-то увесистое.

Его лицо осветилось, и я понял, что это его собственная снасть, а не его старика.

— Может, подсобить? — спросил я.

— Нет, сэр.

В детстве я частенько таскал из этой реки сомов, и, судя по тому, как средняя канистра недвижимо напруглась в воде, ему наверняка предстояло иметь дело с настоящим чудовищем — обтянутым глянцевой черной шкурой, всосавшимся в придонный ил зверем, который мог легко потянуть фунтов на двадцать¹.

— Ведро-то не маловато? — сказал я ему.

— А я его прямо тут разделаю.

---

¹ 20 фунтов — чуть больше 9 кг; 1 фунт — 0,454 кг. — *Здесь и далее прим. пер.*

Его пальцы гордо двинулись к тонкому ножу на ремне — к захватанной деревянной рукоятке с бледными, вытертыми до блеска металлическими заклепками. Ножны были из черной кожи, с паутиной белых трещинок там, где он не смазал их должным образом защитной пропиткой. Парнишка разок коснулся рукоятки, и я ощутил его нетерпение.

— Ну ладно тогда. Удачи.

Я обошел его по широкой дуге, а он так и не слез со своего велика, пока я не отпер машину и не забрался за руль. Пацан перевел взгляд с меня на реку, и улыбка расползлась по его лицу, когда он перекинул тонкую ногу через седло. Выезжая на дорогу, я глянул на него в зеркало заднего вида — на запыленного мальчишку в бескрайнем, залитом мягким желтым светом мире.

Почти припомнилось, каково это.

* * *

Где-то через милое солнце уже жарило на всю катушку. Это было уже слишком для моих воспаленных глаз, и я надел темные очки. Нью-Йорк научил меня, что такое жесткий камень, узкие пространства и серые тени. Здесь же все было так открыто! Так пышно! Нужное слово копошилось где-то в глубине головы.

«Первозданно».

Так чертовски первозданно!

Почему-то я про это забыл, а это было плохо в большем числе смыслов, чем я смог бы подсчитать.

После нескольких сменяющих друг друга поворотов дорога сузилась. Нога придавила педаль, и у северного края фермы своего отца я уже валил все семьдесят¹ —

---

¹ 70 и 80 миль в час — 113 и почти 130 км/ч соответственно; ограничение скорости в Северной Каролине вне населенных пунктов составляет 55 миль в час на обычных шоссе и 70 миль в час на автострадах.

просто не смог удержаться. Земля вокруг была вся в рубцах от эмоций. От любви и потери и тихой, разъедающей душевной боли. Мимо пролетел въезд — распахнутые ворота и длинный проселок, уходящий в холмистую зелень. Стрелка коснулась восьмидесяти, и все плохое рассыпалось в прах, так что едва ли я смог бы различить и все остальное. То, чего было хорошего. Годы перед тем, как все развалилось на куски.

Через пятнадцать минут показалась городская черта Солсбери, где я сбросил газ и потащился еле-еле, натянув на глаза бейсболку, чтобы скрыть лицо. В моей одержимости этим местом есть что-то нездоровое, я знаю, но оно было моим домом, и я любил его, так что решил проехать через город, чтобы проверить это. Он остался столь же историческим и богатым, столь же маленьким и южным, и я подумал: интересно, до сих ли пор этот город чувствует, каков я на вкус — даже сейчас, через столько лет после того, как он разжевал меня и с отвращением выплюнул?

Я проехал мимо перестроенной железнодорожной станции и старых особняков, набитых деньгами, отворачивая лицо от мужчин на знакомых скамейках и женщин в ярких нарядах. Остановившись на светофоре, посмотрел, как адвокаты возносят пухлые портфели вверх по широким ступенькам, а потом свернул влево и притормозил прямо перед зданием суда. Я мог припомнить глаза каждого из присяжных, ощутить шершавую фактуру дерева на столе, за которым просидел три долгие недели. Если б сейчас закрыл глаза, то мог бы легко представить толчею на ступеньках суда, почти физическое, словно ожог от пощечины, ощущение от яростных слов и сверкания гневно оскаленных зубов.

Невиновен.

Это слово спустило с поводка ярость.

Бросил на здание суда последний взгляд. Все это было, и было глубоко несправедливо, и мне никак не

удавалось справиться с горящими во мне обидой и возмущением. Пальцы впились в руль, день перекосялся, а грудь настолько переполнилась гневом, что показалось, будто этот гнев вот-вот задушит меня.

Покатил к северу по Мейн-стрит, потом к западу. Через пять миль впереди показался мотель «Верный». Что совершенно неудивительно, за время моего отсутствия он лишь продолжал свое снижение по придорожной спирали к полнейшему упадку. Лет двадцать назад заведение процветало, но поток приличных постояльцев постепенно сошел на нет, когда церковные мамыши и священнослужители вбили осиновый кол в сердце расположенной прямо через дорогу развеселой придорожной закусочной «Три икса», где заезжающих автомобилистов обслуживали едва одетые девицы на роликах. Теперь мотель представлял собой натуральную дыру — длинную череду обшарпанных дверей с почасовой и по недельной оплатой и гастарбайтерами, напиханными по четыре человека в комнату.

Я знал парня, чей отец владел этим мотелем, — Дэнни Фэйта, мы с ним в свое время крепко дружили. Выросли вместе, частенько весело проводили время. Он пользовался репутацией дебошира и пьяницы и толком нигде не работал — лишь иногда в сезон мог подкалымить на ферме. Три недели назад Дэнни позвонил мне — первый человек, который вышел со мной на связь после того, как меня с позором вышибли из города. Понятия не имею, как он меня нашел, но вряд ли это было такой уж сложной задачей. Дэнни — надежный малый, хорош в случае какой-нибудь заварушки, но далеко не великий мыслитель. Он позвонил мне с просьбой о помощи и попросил вернуться домой. Я ответил ему отказом. Дом был для меня потерян. Целиком и полностью. Навсегда.

Но тот телефонный звонок был только началом. Дэнни и понятия не имел, какие это будет иметь последствия.

Парковка перед длинным приземистым строением представляла собой обычную земляную площадку. Я вырубил мотор и прошел за грязную стеклянную дверь. Оперся локтями о стойку и изучил единственный предмет декора — здоровенный гвоздь с дюжиной пожелтевших освежителей воздуха в виде елочек. Повел носом, не ощутив ничего похожего на хвою, и посмотрел на пожилого латиноамериканца, выходящего из подсобки — с хорошо ухоженными волосами, в кардигане под Мистера Роджерса¹, со здоровенным куском бирюзы, свисающим с шеи на кожаном ремешке. Его глаза скользнули по мне с отработанной непринужденностью, и я понял, что он увидел. Парня лет под тридцать, высокого, крепко сложенного. Небритого, но с хорошей стрижкой и при дорогих часах. Без обручального кольца. Костяшки на пальцах основательно сбиты и в шрамах.

— Да, сэр? — произнес он уважительным тоном, который в этом месте обычно был редкостью. Опустил взгляд вниз, но я заметил, как прямо он держит спину, ощутил полную неподвижность его маленьких пергаментных рук.

— Я ищу Дэнни Фэйта. Скажите ему, что Адам Чейз спрашивает.

— Дэнни уехал, — отозвался старик.

— А когда вернется? — Я с трудом скрыл разочарование.

— Нет, сэр. Его уже три недели как нет. Не думаю, что он вернется. Впрочем, его отец по-прежнему тут хозяин. Могу позвать его, если хотите.

---

¹ Мистер Роджерс (Фред Роджерс, 1928–2003) — американский телеведущий, музыкант, кукольник, сценарист, продюсер и пресвитерианский проповедник. На экране обычно появлялся в ярко-красном или синем вязаном кардигане с галстуком.

Я попытался все это осмыслить. Округ Роуан производит только два вида людей: тех, что рождены оставаться здесь до скончания своих дней, и тех, кто должен покинуть эти края при первой же возможности. Дэнни принадлежал к первой категории.

— А куда уехал? — спросил я.

Старик пожал плечами — утомленно поджав губы и разведя руками.

— Он ударил свою подружку. Она выпала на улицу вон через то окно. — Мы оба посмотрели на стекло у меня за спиной, и он еще раз, едва ли не на французский манер, пожал плечами. — Здорово порезала лицо. Подала на него заявление в полицию, а он смылся. С тех пор никто его тут в округе не видел. Ну так как, позвать мистера Фэйта?

— Нет.

Вариант с родной фермой сейчас даже не рассматривался — я слишком устал, чтобы провести за рулем еще хотя бы секунду, и пока не был готов иметь дело с собственным отцом.

— Найдется комната?

— *Si*¹.

— Тогда просто дайте мне комнату.

Старик опять оглядел меня с головы до ног.

— Вы уверены? Вы хотите комнату *здесь*? — Он уже во второй раз раскинул руки.

Я вытащил бумажник и положил на стойку столондаровую купюру.

— *Si*, — сказал я ему. — Именно здесь.

— Надолго?

Его глаза не были направлены ни на меня, ни на купюру — нацелились они на мой бумажник, который едва ли лопался от банкнот крупного достоинства. Я закрыл его и сунул в карман.

---

¹ Да (*исп.*).

— До вечера пробуду.

Он взял сотню, выдал мне семьдесят семь долларов сдачи и сказал, что тринадцатая комната свободна, если меня не смущает номер. Я заверил его, что несколько не смущает. Старик выдал мне ключ, и я ушел. Он наблюдал за мной, пока я переставлял машину к концу здания.

Я вошел, накинул цепочку.

В комнате пахло сыростью и шампунем — наверное, последний постоялец перед отъездом принимал душ, — но здесь было темно и тихо, и после суток без сна это меня вполне устраивало. Я сдернул покрывало с кровати, стряхнул с ног туфли и повалился на ветхие простыни. Вскользь подумал про надежду и гнев: интересно, какое из этих чувств во мне сейчас сильнее? Ни один из вариантов не выглядел однозначным, так что пришлось принять волевое решение. Надежда, решил я. Я про-снулся с чувством надежды.

Едва я закрыл глаза, как комната перекосилась. Я словно взмыл вверх, поплыл, а потом все вдруг разом рассыпалось в пыль, и я окончательно отключился, оказавшись вне места и времени, будто никогда и не возвращался.

* * *

Проснулся я со сдавленным звуком в горле. Перед глазами по-прежнему стояла все та же картинка — кровь на стене, темным полумесяцем протянувшаяся к полу. Услышал глухие удары, не понимая, где я, и дико оглядел полутемную комнату. Тоненький ковер вздыбился под ножками выдавшего вида кресла. Из-под края занавески на пол падала узенькая полоска слабого света. Стук прекратился.

Кто-то стоял у двери.

— Кто там? — хрипло спросил я.

— Зебьюлон Фэйт!